

Устойчивый размер региональных интеграционных проектов и постсоветское пространство

Либман А.М.

Старший научный сотрудник Института экономики РАН, докторант Маннгеймского университета и ассоциированный сотрудник Центра российских исследований Восточно-Китайского университета

Электронная почта: 'libman@rambler.ru'

Информация об авторе: к. э. н. Закончил Финансовую академию при Правительстве РФ и аспирантуру ИМЭПИ РАН, в течение двух лет стажировался в Марбургском университете. Автор двух монографий и около 200 печатных работ, в том числе в журналах «Europe-Asia Studies», «European Journal of Comparative Economics», «Social Sciences», «Вопросы экономики», «Общественные науки и современность», «Прикладная эконометрика», «Мировая экономика и международные отношения», «Общество и экономика», «Российский журнал менеджмента», «Свободная мысль» и других.

Интеграционные проекты, реализуемые в различных регионах мира, появляются в результате переговоров и согласований множества игроков – как государств (входящих и не входящих в интеграционную группировку), так и негосударственных агентов. Возникает вопрос, в каких случаях возникшая структура оказывается сравнительно более *стабильной*, то есть в меньшей степени подверженной угрозе распада? В числе прочих факторов, влияющих на стабильность интеграционных проектов, важную роль играет *размер* интеграционной группировки. По всей видимости, «устойчивый размер» ограничен и «сверху» (чрезмерно большие интеграционные группировки оказываются неустойчивыми), и «снизу» (недостаточно большие интеграционные группировки не в состоянии достичь необходимого уровня стабильности). «Небольшие» группировки с этой точки зрения «обречены» на более или менее открытое «поглощение» более крупными соседями. «Чрезмерно крупные» группировки сталкиваются с постоянной угрозой выхода отдельных стран-членов.

Анализ устойчивого размера интеграционной группировки может осуществляться с двух точек зрения. Во-первых, можно обратиться к традиционному пониманию региональной экономической интеграции как созданию *международного союза* нескольких стран. В данном случае устойчивый размер может трактоваться как *количество стран* в интеграционной группировке или *численность ее населения*. Последний показатель представляется нам более интересным, учитывая внутреннюю разнородность стран-членов, стабильность которых также не может рассматриваться как данность. Второй подход предполагает рассмотрение интег-

рационального проекта как *сети* соглашений и договоренностей, в которых участвуют различные страны региона. Такой анализ является более гибким и в большей степени отвечает реалиям моделей открытого регионализма и разнотемпной интеграции. В этом случае, говоря об *устойчивой структуре* интеграционного проекта, мы отслеживаем, какая именно конфигурация сети соглашений является наиболее «жизнеспособной»?

В настоящей статье проведен анализ факторов, влияющих на оптимальный размер интеграционного проекта, а также сделана попытка приложить полученные выводы к региону постсоветского пространства, прежде всего, ЕвразЭС. При этом использовались инструменты количественного анализа, позволяющие получить однозначные и непротиворечивые результаты относительно «устойчивости» размеров и структур интеграционных объединений.

Факторы устойчивого размера и устойчивой структуры интеграции

С точки зрения **интеграции как международного союза**, «устойчивый размер» интеграционной группировки определяется в результате взаимодействия двух «рынков», функционирующих в региональной политико-экономической системе. Первый «рынок» представляет собой «межгосударственный политический рынок», на котором происходит торг между государствами. Вторым «рынком» – это «рынок институтов и экономических политик», где действуют частные структуры (корпорации и граждане), «предъявляющие спрос» на те или иные институциональные схемы, предлагаемые государствами. Конкретными механизмами являются участие в политической жизни, лоббирование или же «голосование ногами» за счет мобильности факторов производства, и др. В связи с этим «устойчивая» интеграционная группировка должна отвечать двум требованиям: быть привлекательной для участвующих в ней государств и обеспечивать позитивные экономические эффекты частным структурам.

На стабильность интеграционной группировки в первую очередь оказывает влияние *разнородность ее участников*. Если членами интеграционной группировки являются сходные государства, население и элиты которых обладают сравнительно близкими характеристиками, такие структуры, по всей видимости, в меньшей степени подвержены распаду. Растущая разнородность усложняет выработку общих условий интеграции, на которые «готовы» согласиться участники группировки, а также повышает издержки переговоров и согласования¹. Иначе говоря, разнородность повышает «цену» сделок на «межгосударственном политическом рынке» и, соответственно, снижает привлекательность интеграции. В свою очередь, разнородность определяется множеством факторов: например, этнолингвистической фракционализацией, особенностями исторического развития, спецификой институциональных систем, разницей в уровне жизни и образовательном уровне населения и урбанизации. В условиях разнородности предпочтений нестабильными могут оказаться даже «эф-

¹ Ruta M. *Economic Theories of Political (Dis)Integration*. // *Journal of Economic Surveys*, 2005, Vol. 19

фективные» интеграционные группировки (то есть структуры, членство в которых в целом способствует повышению благосостояния всех стран)².

Другой параметр, определяющий устойчивость интеграционного объединения, – *эффективность институциональной среды и управления* в сфере производства общественных благ, потребляемых всеми странами, таких, как взаимная торговля, безопасность или общая инфраструктура. Иначе говоря, *рост эффективности интеграционной группировки повышает устойчивость ее размера*. В частности, речь идет о производимых в интеграционных группировках «общественных благах». Прежде всего, данный эффект оказывает воздействие на «рынок институтов и экономических политик», повышая «качество» предоставляемых государствами частным структурам «благ» и, соответственно, увеличивая их готовность «платить» за эти блага. При прочих равных *эффективность управления интеграционной группировки* напрямую определяется *эффективностью государственного управления* в странах-членах. Конечно, высокое качество государственного управления во всех государствах, участвующих в интеграционном союзе, еще не гарантирует эффективности наднациональных органов и процесса переговоров, лежащего в основе интеграционной группировки. Однако в отсутствие эффективных внутригосударственных институтов ожидать формирования эффективного межгосударственного регулирования вообще едва ли возможно. К тому же, эффективность государственного управления снижает «технические» издержки проведения международных переговоров, роль которых не следует недооценивать.

Проблема состоит в существовании *противоречивых эффектов между разнородностью и эффективностью*. Высокая разнородность группировки, которая, как отмечалась, «снижает» ее оптимальный размер, может вместе с тем оказаться и фактором роста эффективности ее функционирования. Иначе говоря, рост цены сделок на «межгосударственном политическом рынке» увеличивает качество благ на «рынке институтов и экономических политик». Действительно, эволюционный подход к экономической политике предполагает, что разнородность интеграционного объединения является своеобразным «капиталом», создающим возможность для эволюционного конкурентного процесса генерации нового знания, внедрения инноваций и динамичного развития. Помимо этого сама по себе разнородность предпочтений не является статическим явлением, а порождается динамическим процессом развития, в котором важную роль играют сделки на «межгосударственном политическом рынке»³.

По всей видимости, оценка ситуации зависит *от общего уровня развития государственного управления*. Сравнительно более развитые институты, обеспечивающие лучшие возможности для агрегации предпочтений и взаимодействия различных групп, способны в большей степени «спра-

² Haimanko O., Le Breton M., Weber S. Transfers in a Polarized Country: Bridging the Gap between Efficiency and Stability. // *European Economic Review*, 2005, Vol. 89

³ Herrmann-Pillath C. Heterogenität, Wachstum von Staaten und wissenschaftlicher politischer Wettbewerb. In: Vollmer U. (Hrsg.). *Oekonomische und politische Grenzen von Wirtschaftsräumen*. Berlin: Duncker & Humblot, 2006

виться» с проблемами разнородности, а также использовать ее творческую энергию (пользуясь терминологией новой сравнительной экономической теории, они находятся на более высокой «кривой институциональных возможностей»). Менее развитые институциональные системы более чувствительны к данной проблеме и вынуждены более точно искать оптимум между разнородностью и выигрышами от интеграции. Данный вывод опять же подчеркивает значимость эффективности механизма принятия решений для устойчивости региональной структуры. Например, в случае расширения ЕС разнородность предпочтений, хотя и является важным фактором, играет значительно менее значимую роль, чем способность органов ЕС к принятию решений со сравнительно небольшими издержками⁴. Еще более значимым данный фактор становится, если учитывать затраты времени на принятие решений, возможные асимметричные шоки, с которыми сталкиваются страны интеграционной группировки, и асимметричный доступ к информации, поступающей из различных регионов. В условиях асимметричной информации принципиально значимым является также механизм ее агрегации⁵.

Во-вторых, на «устойчивый размер» интеграционных группировок влияет *уровень экономического развития* стран-участниц. Он напрямую воздействует на развитие «рынков институтов и экономических политик», определяя поведение присутствующих на них игроков. В экономической теории отсутствует однозначное представление о связи экономического развития и устойчивого размера группировок. По некоторым оценкам, связь между уровнем экономического развития и интеграцией носит U-образный характер: на ранней стадии интеграционные образования содействуют эффективному экономическому росту, а по достижении определенного уровня развития страны в состоянии добиться аналогичных преимуществ и без создания формальных интеграционных структур за счет собственной «способности к управлению»⁶. Другие авторы исходят из существования линейной положительной связи между экономическим развитием и склонностью к интеграции⁷. Однако результаты переговоров между государствами (на «межгосударственном политическом рынке») могут серьезно изменить описываемые результаты.

Естественно, данный перечень факторов, влияющих на стабильность интеграционного проекта не является исчерпывающим. Например, важную роль играет *масштаб экономической либерализации в мировой экономике в целом*. Очевидно, что для достижения устойчивости интеграционная группировка должна обеспечить оптимальные размеры внутреннего рынка, позволяющие воспользоваться преимуществами *экономии от масштаба*. Однако в условиях *сравнительно небольшого масштаба регулиро-*

⁴ Apolte Th. Gibt es eine optimale Größe der Europäischen Union? In: Vollmer U. (Hrsg.). *Oekonomische und politische Grenzen von Wirtschaftsräumen*. Berlin: Duncker & Humblot, 2006

⁵ Behm M., Grüner H.P. *Electoral College, Popular Vote and Regional Information*. Mimeo, 2002

⁶ Casella A., Feinstein J.S. *Public Goods in Trade: On the Formation of Markets and Jurisdictions*. // *International Economic Review*, 2002, Vol. 43

⁷ Bolton P., Roland G., Spolaore E. *Economic Theories of the Break-Up and Integration of Nations*. // *European Economic Review*, 1996, Vol. 40

вания в мировой торговле (являющегося, например, результатом действия ВТО и других глобальных организаций) «устойчивый размер» интеграционных группировок сокращается⁸. Действительно, экономические субъекты стран могут реализовать те же самые преимущества доступа на рынки друг друга и без сложных дополнительных межправительственных переговоров. В данном случае триггером снижения устойчивого размера интеграционной группировки является изменение ситуации на «рынке институтов и экономических политик», участники которого отказываются от уплаты значительных издержек, связанных с функционированием «межгосударственного политического рынка».

Однако и здесь ситуация является более сложной. Прежде всего, глобальный торговый режим и структура региональных интеграционных группировок определяются в рамках одного и того же процесса⁹; поэтому установить причинно-следственную связь между ними крайне сложно. Так, постсоветские государства параллельно участвовали в процессе региональной интеграции и интеграции в мировую экономику. Наконец, само формирование глобального торгового режима является сегодня результатом не только (и, возможно, не столько) усилий глобальных организаций, сколько процесса формирования многочисленных пересекающихся региональных соглашений, все чаще основанных на принципе «открытого регионализма» (что, собственно говоря, и породило концепцию «интеграции как сети», которая рассматривается далее)¹⁰.

Важным фактором, влияющим на «устойчивый размер», является конкуренция юрисдикций, или соперничество государств за мобильные факторы производства. Конкуренция юрисдикций оказывает тройное воздействие на структуру региональной интеграции. Во-первых, она порождает стремление к гармонизации экономической политики с целью избежать конкурентного давления. Подобные явления наблюдаются как в области налоговой конкуренции, так и конкуренции правовых режимов¹¹. В то же время она стимулирует «эффект безбилетника»: нарушение установленных заранее гармонизационных договоренностей дает сравнительно большую отдачу в условиях конкуренции юрисдикций. Помимо этого, конкуренция юрисдикций за счет *ex post* гармонизации снижает издержки сделок на «межгосударственном политическом рынке», обеспечивая лучшие условия для ведения переговоров. Наконец, с точки зрения спроса на интеграционные проекты на «рынке институтов и экономических политик» существование конкуренции юрисдикций делает сравнительно более привлекательным «голосование ногами» и, соответственно, снижает стремление активно противодействовать формированию интеграцион-

⁸ Alesina A., Wacziarg R. *Is Europe Going too Far? Carnegie-Rochester Conference Series on Public Policy*, 1999, Vol. 51

⁹ Etro F. *Political Geography*. // *Public Choice*, 2006, Vol. 127; Blankart C.B., Koester G. *Political Economics versus Public Choice: Two Views of Political Economy in Competition*. // *Kyklos*, 2006, Vol. 59

¹⁰ Baldwin R. *Multilateralising Regionalism: Spaghetti Bowls as Building Blocks on the Path to Global Free Trade*. NBER Working Paper 12545, September 2006

¹¹ Whincop J., Keyes M. *Policy and Pragmatism in the Conflict of Laws*. Aldershot, 2001

ной группировки, ослабляя, таким образом, эффект разнородности предпочтений¹².

Наконец, важным фактором, который необходимо отметить в рамках настоящего анализа, является *корпоративная интеграция (регионализация)*, или развитие системы взаимосвязей между государствами, не сопровождающееся созданием формальных международных союзов. В мировой практике немало примеров регионального сотрудничества, когда формальная интеграция значительно «отстает» от развития неформальных экономических взаимосвязей. Классическим примером является Юго-Восточная Азия, где производственные сети японских транснациональных корпораций и неформальные сети китайских диаспор являются инструментом регионализации в условиях отсутствия формальной кооперации (то есть формальных «делок» на «межгосударственном политическом рынке»). Помимо этого, процессы регионализации могут сильно различаться, в зависимости от степени формирования «общей идентичности» стран региона и их экономической взаимозависимости¹³. Регионализация может стать фактором, снижающим издержки согласования общей политики и стимулирующим развитие интеграционных объединений (за счет возникновения общей идентичности и усиления конкуренции юрисдикций). Реакция частных структур является неоднородной: в некоторых случаях усиливается стремление к созданию формальных объединений, однако в других (особенно при переходе от негативной интеграции, ведущей к устранению барьеров доступа на рынки, к позитивной, предполагающей создание общих институтов) ситуация является более сложной. Тем не менее, в мировой практике, особенно в странах, где ведущие частные структуры заинтересованы именно в расширении своего присутствия на рынках приграничных стран, можно наблюдать четкую позитивную связь между регионализацией и формальной интеграцией (например, в случае НАФТА или интеграционных проектов с участием США и Центральной Америки)¹⁴.

Анализ **интеграции как сети** является сравнительно новым направлением исследований, поэтому полученных пока результатов относительно «устойчивой конфигурации» сетевых структур региональных соглашений немного¹⁵. В теоретической литературе основное внимание уделяется *однородности или симметрии стран*. Насколько можно судить, в устойчивой сети интеграционные взаимосвязи формируются, прежде

¹² Olofsgard A. *Incentives of Secession in the Presence of Mobile Ethnic Groups*. // *Journal of Public Economics*, 2003, Vol. 87

¹³ Mattlin M. *Structural and Institutional Integration: Asymmetric Integration and Symmetry Tendencies*. // *Cooperation and Conflict*, 2005, Vol. 40, No. 4

¹⁴ Cox R.W. *Explaining Business Support for Regional Trade Agreements*. // Frieden J.A., Lake D. (eds.): *International Political Economy: Perspectives on Global Power and Wealth*. Taylor & Francis, 1999

¹⁵ Furasawa T., Konishi H. *Free Trade Networks*. // *Journal of International Economics*, 2007, Vol. 72; Furasawa T., Konishi H. *Free Trade Networks with Transfers*. // *Japanese Economic Review*, 2005, Vol. 56, No. 2; Goyal S., Joshi S. *Bilateralism and Free Trade*. // *International Economic Review*, 2006, Vol. 47, No. 3; Mauleon A., Song H., Vannetelbosch V. *Networks of Free Trade Agreements among Heterogeneous Countries*. DP 2006-29 U Louvain Department of Economics, 2006

всего, между сравнительно «близкими» друг к другу странами¹⁶. Прежде всего, это касается *институциональных систем*. Сходная институциональная среда является источником низких транзакционных издержек, что делает деловую активность в странах со сходными моделями более привлекательной для бизнес-структур. Помимо этого «схожесть» институциональных систем облегчает согласование общей политики для стран-участниц интеграционной группировки, снижая издержки поиска «общих» правил и институтов и адаптации национальной политики к общим стандартам.

Проблема состоит в том, что рост разнородности стран увеличивает масштабы межотраслевой торговли между ними и, соответственно, делает интеграцию более привлекательной. В принципе, основу многих современных интеграционных группировок (в частности, большинства интеграционных проектов «Север-Север») составляет *внутриотраслевая* торговля, ориентирующаяся на сравнительно близкие государства. Однако при интеграции «Север-Юг» ключевую роль играет уже *межотраслевая* торговля¹⁷. Здесь важно различать разнородность с точки зрения *экономической структуры* и *экономических институтов* – если первая может содействовать комплементарности экономик, то вторая, напротив, усложняет процесс интеграции. Однако институты определяют структуру – иначе говоря, в схожих с институциональной точки зрения странах велика вероятность возникновения и схожей структуры экономики. В любом случае, эмпирические исследования подтверждают наличие взаимосвязи между устойчивостью и институциональной однородностью, а также прогрессом интеграции¹⁸. С другой стороны, интерес для анализа устойчивой конфигурации сети может представлять *комплементарность структуры внешней торговли*. В настоящее время выполнены эмпирические расчеты в этой области для стран СНГ¹⁹.

Важно подчеркнуть, что с точки зрения интеграционных проектов ключевую роль играет именно близость *институциональных систем в целом*, а не отдельных институтов. Как известно, институты характеризуются свойством комплементарности, то есть формируют достаточно устойчивые системы, в которых отдельные формальные и неформальные правила и нормы связаны между собой. Данное обстоятельство создает дополнительные проблемы для количественного анализа.

¹⁶ Das S.P., Ghosh S. *Endogenous Trading Bloc Formation in a North-South Global Economy*. // *Canadian Journal of Economics*, 2006, Vol. 39, No. 3

¹⁷ Borrmann A. *Interregionale Integration von Industrie- und Entwicklungsländern*. HWWA-Diskussionspapier Nr. 45, 1997

¹⁸ Feng Y., Genna G. *Domestic Institutional Convergence and Regional Integration: Further Evidence*. // Salavrakos I.D. (ed.): *Aspects of Globalization, Regionalisation and Business*. Athens: ATINER, 2004

¹⁹ Плеханов Д. *Перспективы развития взаимной торговли в рамках ЕЭП*. // *Экономическое обозрение ЕЭП*, 2005, №2

Устойчивый размер интеграции на постсоветском пространстве

*Интеграция как международный союз*²⁰

Прежде всего, попытаемся определить оптимальный размер региональных интеграционных проектов на постсоветском пространстве с точки зрения концепции интеграции как международного союза. Как следует из рассмотренной выше теоретической дискуссии, рост качества государственного управления в интеграционной группировке должен сопровождаться ее ростом за счет большей способности «справиться с разнородностью». В дальнейшем для простоты мы будем предполагать, что качество надгосударственных институтов является непосредственной функцией качества государственного управления в отдельных странах. Подобное упрощенное (но, на наш взгляд, достаточно реалистичное) предположение позволяет перейти к количественному анализу «устойчивого размера» интеграционных группировок.

Выборка включает в себя семнадцать региональных интеграционных союзов, перечисленных в исследовании Европейского центрального банка 2004 г.²¹ Список включает в себя практически все институционализованные ведущие интеграционные группировки, существующие в современном мире. В качестве показателя размеров интеграционной группировки мы будем использовать совокупную численность населения всех ее стран-членов в 2007 г. по данным U.S. Census. В качестве показателя государственного управления используется средняя величина шести индексов «качества управления» (Quality of Governance) за 2005 г., публикуемых Всемирным банком. Индексы включают в себя устойчивость политической системы, качество экономической политики, уровень развития правового государства, масштабы коррупции, ответственность власти перед гражданами и качество государственного аппарата. Большее значение индекса соответствует более высокому качеству государственного управления. Для определения качества государственного управления в региональных интеграционных группировках мы используем среднюю величину индексов всех стран-членов.

Обзор полученных данных приводится на рисунке 1. Как следует из приведенных данных, действительно, существует определенная зависимость между численностью населения и качеством управления: в регионах со значительно более высоким уровнем качества управления возникают более крупные интеграционные союзы (сплошная линия). В то же время зависимость является достаточно слабой (корреляция лишь около 30%), что связано с присутствием небольших по численности населения интеграционных группировок Карибского бассейна (ECCU и CARICOM), характеризующихся также высоким уровнем качества государственного управления. Отметим, однако, что данный регион в любом случае характеризуется

²⁰ Настоящий раздел основан на совместной работе автора статьи с д.э.н. Л.З. Зевиним (ИЭ РАН). Более подробно данный вопрос рассматривается в: Зевин Л.З., Либман А.М. Оптимальное экономическое пространство: проблемы размеров // Мир перемен, 2007, №4.

²¹ ECB Monthly Bulletin, 2004, October

высокой степенью фрагментации, а также что в состав интеграционных группировок данного региона входит крайне большое число государств. Если в анализе учитываются лишь девять интеграционных группировок с населением более 100 млн. чел. (ЕС, НАФТА, МЕРКОСУР, АСЕАН, Андское сообщество, африканские САДК, ЭКОВАС и ЭККАС и ближневосточная ПАФТА), зависимость становится значительно более устойчивой (пунктирная линия). Коэффициент корреляции составляет уже около 65%. Более того, для парной регрессии (метод наименьших квадратов) уровень государственного управления является значимым для объяснения вариации населения интеграционных группировок на 1% уровне.

В связи с описанными выше результатами анализа возникает вопрос: возможно ли определить своеобразный «контрафактический» устойчивый уровень населения интеграционной группировки, исходя из качества ее государственного управления. Данный вопрос вызывает большой интерес с точки зрения развития постсоветского пространства. Как известно, в СНГ функционирует множество региональных и субрегиональных интеграционных структур. Какой «устойчивый уровень» населения должен быть достигнут интеграционными группировками с участием этих стран, с учетом качества их государственного управления, то есть «способности» справиться с нарастающей разнородностью и добиваться эффективного принятия решений? Для определения данного показателя мы рассчитываем средний уровень государственного управления в постсоветских группировках (согласно описанному выше подходу) и подставляем его в регрессию, полученную на основе анализа девяти группировок с населением более 100 млн. чел. Полученная в результате этой процедуры величина и является контрафактическим показателем «устойчивого уровня» населения описываемых стран.

Для анализа мы рассмотрим четыре интеграционных проекта: СНГ в целом (средний уровень государственного управления $-0,86$), ЕЭП-4 (Россия, Украина, Казахстан и Беларусь: показатель $-0,71$), ЕврАзЭС-6 (Россия, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан: показатель $-1,01$) и ЕврАзЭС-3 (Россия, Беларусь, Казахстан: показатель $-0,81$). Конечно, ЕЭП-4 представляет на сегодняшний день скорее теоретический интерес, но мы все же включили эту группировку в анализ для того, чтобы оценить возможности привлечения к интеграционным процессам Украины. Показатель для ЕврАзЭС-6 заметно ниже, поскольку страны со сравнительно низким уровнем государственного управления составляют большую долю среди его стран-членов. Контрафактическое население соответствующих группировок, рассчитанное на основе приведенной выше процедуры, составляет 218,5 млн. чел., 239,5 млн. чел., 225,5 млн. чел. и 197,4 млн. чел. Фактическое население описанных группировок в 2007 г. согласно базе данных U.S. Census составляло 278 млн. чел., 212,7 млн. чел., 206,6 млн. чел. и 160,8 млн. чел.

Аналогичный анализ проведен для ВВП на душу населения (по паритету покупательной способности) как показателя уровня развития и размеров интеграционной группировки. Как мы указывали ранее, данный параметр является предметом теоретических споров. В силу небольшого размера

выборки мы рассматриваем лишь линейную форму зависимости: (рост уровня развития повышает «устойчивый размер» интеграционной группировки). Мы используем ту же выборку; источником данных об уровне ВВП на душу населения является CIA Factbook (данные 2006 г.). Для каждой интеграционной группировки ВВП на душу населения рассчитывается как средняя величина ВВП отдельных стран (рис. 2).

Как следует из графика, наиболее ярким исключением из линейной зависимости является GCC – объединение стран Персидского залива, характеризующееся небольшой численностью населения и значительным ВВП, обусловленным энергетической отраслью. Все остальные регионы «укладываются» в линейную зависимость; коэффициент корреляции составляет 42% для всех группировок и 62% для группировок с населением более 100 млн. чел. В случае парной регрессии ВВП является значимым на 1% уровне (группировки с населением более 100 млн. чел.) и 10% уровне (все группировки). В регрессии, направленной на оценку U-образной зависимости (включающей в качестве объясняющих переменных ВВП на душу и квадрат ВВП на душу населения), все регрессоры являются незначимыми.

Контрафактические оценки для СНГ, ЕврАзЭС-3, ЕврАзЭС-6 и ЕЭП-4 (ВВП на душу населения, соответственно, 5775 долл., 9900 долл., 5717 долл. и 9150 долл.), рассчитанные на основе группировок с населением более 100 млн. чел. составляют 256,2 млн. чел., 297,6 млн. чел., 255,6 млн. чел. и 290,1 млн. чел., соответственно. Подчеркнем, что близость полученных результатов к выводам на основе оценки эффективности управления едва ли должна вызывать удивление, если учесть высокую корреляцию ВВП и качества институтов.

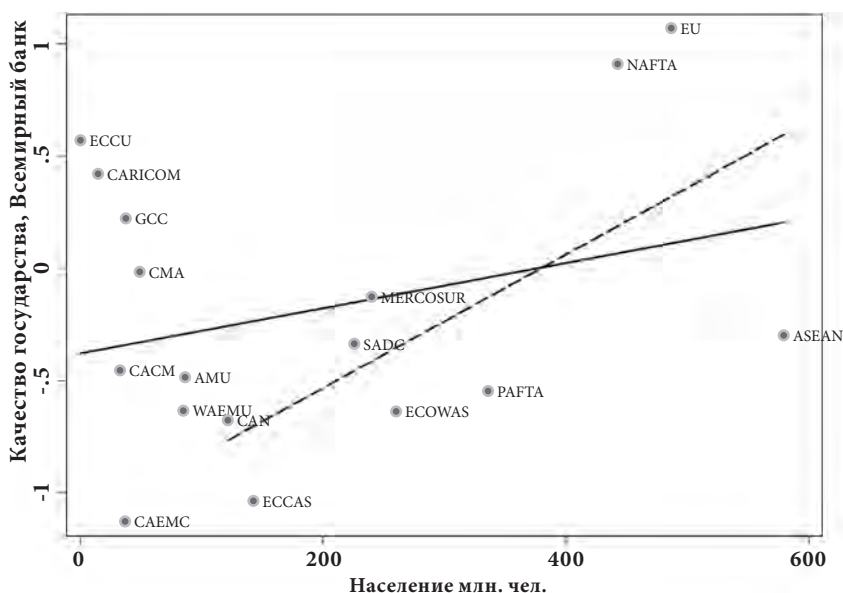

Рисунок 1: Взаимосвязь качества государственного управления и численности населения стран интеграционной группировки

Источник: составлено автором

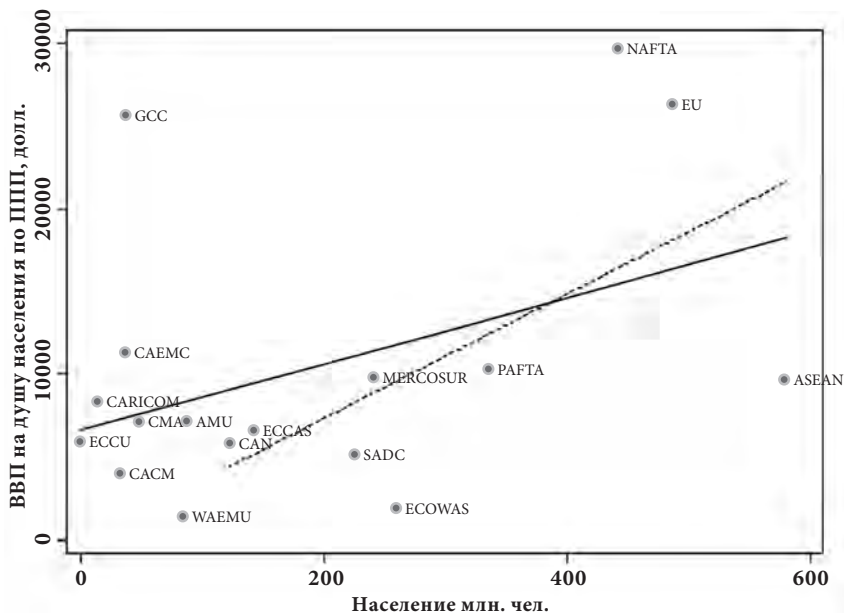

Рисунок 2:
Взаимосвязь ВВП на душу населения и численности населения стран интеграционной группировки

Источник: составлено автором

Общие результаты приводятся на рисунке 3. Прежде всего, четко видно, что с точки зрения критерия качества государственного управления, ЕврАзЭС-6 ближе всех остальных проектов к устойчивому размеру. Отклонение можно считать незначительным, хотя группировка и несколько больше устойчивого показателя. С точки зрения экономического развития ЕврАзЭС-6 существенно меньше контрафактического устойчивого размера (что, впрочем, менее критично, чем чрезмерно большой размер, если судить из изложенной выше теоретической логики), но все равно ближе к контрафактическим показателям, чем все остальные проекты, кроме СНГ. СНГ несколько больше устойчивого размера, причем, прежде всего с точки зрения качества управления, что ставит под вопрос способность группировки «справиться» с разнородностью и, соответственно, сохранить стабильность. Наконец, ЕЭП-4 и особенно ЕврАзЭС-3 существенно меньше устойчивого размера.

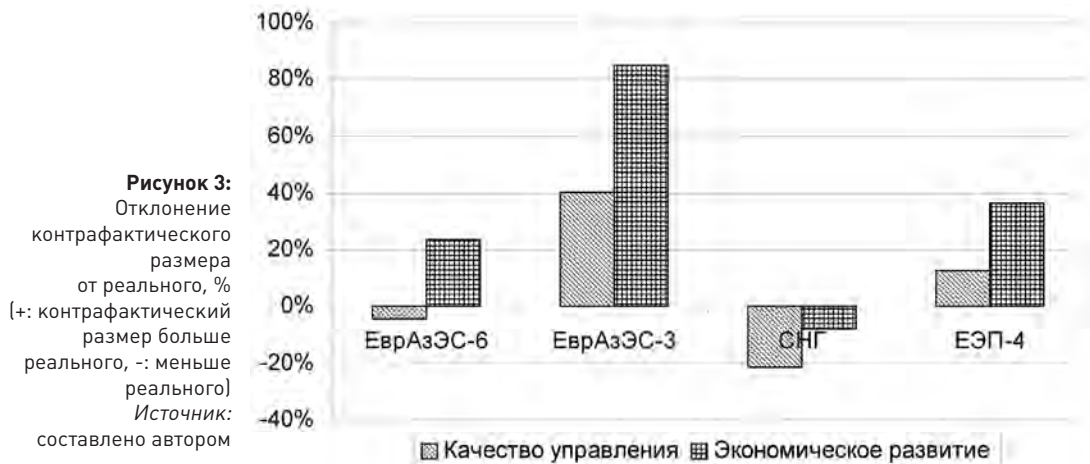

Рисунок 3:
Отклонение контрафактического размера от реального, % (+: контрафактический размер больше реального, -: меньше реального)

Источник: составлено автором

2.2. Интеграция как сеть

Наиболее практичным инструментом для исследования сравнительной институциональной однородности стран является иерархический кластерный анализ – метод группировки объектов, каждый из которых характеризуется вектором характеристик, по мере их «схожести», определяемой в соответствии с заранее заданным алгоритмом²². В настоящей работе мы рассматриваем как структурные, так и институциональные характеристики стран СНГ. Структурные характеристики описываются на основе следующих тринадцати показателей: (1) ВВП на душу населения (в процентах от среднего уровня СНГ); (2) объем продукции промышленного производства на душу населения (в процентах от среднего уровня СНГ); (3) объем продукции сельского хозяйства на душу населения (в процентах от среднего уровня СНГ); (4) розничный товарооборот на душу населения (в процентах от среднего уровня СНГ); (5) внешнеторговый оборот на душу населения (в процентах от среднего уровня СНГ); (6) валовое накопление основного капитала в процентах ВВП (как показатель инвестиций); (7) доля промышленности в валовой добавленной стоимости; (8) доля сферы услуг в валовой добавленной стоимости; (9) доля добывающей промышленности в структуре промышленного производства; (10) доля лиц в возрасте от 0 до 14 лет; (11) доля лиц, старше 65 лет; (12) безработица в процентах от экономически активного населения и (13) среднегодовые темпы роста постоянного населения. В основном используются данные Межгосударственного статистического комитета СНГ за 2005 г. Для описания институциональных систем мы используем четыре индекса (данные за последний доступный год): индекс структурных реформ Европейского банка реконструкции и развития, индекс качества управления Всемирного банка, описанный в предыдущем разделе, индекс экономической свободы Heritage Foundation и индекс политической свободы Freedom House. В случае если соответствующей организацией публикуется несколько индексов, то рассчитывается средний арифметический индекс. Все индексы пересчитаны таким образом, чтобы наибольшее их значение соответствовало сравнительно более высокому качеству институтов.

Прежде всего, рассмотрим результаты иерархического кластерного анализа для *экономической и социальной структуры постсоветских стран*. Результаты иерархического кластерного анализа приводятся на рисунке 4а. Как следует из приведенных данных, страны СНГ четко распадаются на две группы. К первой из них относятся Беларусь, Казахстан и Россия, характеризующиеся (согласно данным нашего анализа) сравнительно схожей социально-экономической структурой. Вторую группу составляют остальные государства СНГ. Некоторые кластеры сформированы географически близкими государствами (Кыргызстан и Таджикистан) или странами с примерно одинаковыми размерами (Армения и Молдова). В данном случае четко прослеживается «ядро» из крупных государств:

²² Методологические комментарии к кластерному анализу приводятся в: Либман А. М. «Ближайшие соседи»: кластеры институтов и экономического развития и перспективы интеграции на постсоветском пространстве. // Информационно-аналитический бюллетень Центра проблем глобализации и интеграции Института экономики РАН, 2007, №3 (в печати)

России, Беларуси и Казахстана (ЕврАзЭС-3), характеризующихся схожей структурой экономики.

Несколько иначе выглядит ситуация, если за основу иерархического кластерного анализа принимаются *институциональные системы* стран СНГ. Результат кластерного анализа приводится на рисунке 4б. Как и в предыдущем случае страны Содружества распадаются на два четко выраженных кластера. Первый образован двумя «постреволюционными странами» (Грузией и Украиной), а также Молдовой, по всей видимости, в меньшей степени вписывающимися в сложившуюся в СНГ модель организации институтов экономической и политической сферы. Вторая группа, состоящая из остальных государств СНГ, включает в себя политически однородные страны, но, в свою очередь, состоит из трех подгрупп. Первая из них (Армения и Кыргызстан) включает в себя страны со сравнительно либеральной экономической политикой: Армения согласно большинству рейтингов является абсолютным лидером по качеству экономических институтов в СНГ, в то время как Кыргызстан также длительное время успешно реализовывал политику последовательных либеральных реформ. Другой кластер – Беларусь, Туркменистан и Узбекистан – включает в себя страны с этатистской моделью экономических преобразований, заключавшейся в почти полном отказе от либеральных реформ и крайне ограниченной приватизацией. Россия, вместе с Казахстаном, Азербайджаном и Таджикистаном, входит в третий кластер стран, проводивших «умеренно» либеральные реформы. К тому же, три из стран данной группы относятся к экспортерам энергоносителей. Иерархический кластерный анализ показывает, что, как минимум, с точки зрения использованных показателей, Казахстан и Россия являются наиболее близкими друг к другу странами постсоветского пространства.

Полученные результаты показывают, что страны ЕврАзЭС нередко оказываются в различных кластерах постсоветского пространства. Приведем данные кластерного анализа, включающего в себя только шесть стран ЕврАзЭС. Мы проанализируем показатели по двум направлениям: структуре и институтам, воспроизведя результаты рисунков 4а и 4б. То есть попробуем построить «оптимальную структуру» интеграционной сети в ЕврАзЭС, не рассматривая возможность привлечения к интеграционным проектам других стран СНГ. Исходя из *институциональной структуры*, устойчивые соглашения могли бы быть достигнуты между Россией и Казахстаном, и Беларусью, и Таджикистаном. Кыргызстан и Узбекистан близки к двум соответствующим группам, но не идентичны им. *Экономическая структура* предполагает, что устойчивыми были бы соглашения между Беларусью и Казахстаном, и Кыргызстаном, и Таджикистаном; также четко выделяется ядро ЕврАзЭС-3 (см. рисунки 4в и 4г). Однако, если структурно страны достаточно схожи друг с другом, они серьезно дифференцируются с точки зрения их институтов: «ядро» схожих с институциональной точки зрения стран образуют Россия, Казахстан и Кыргызстан.

В завершение заметим, что, помимо приведенных в работе «кластеров состояния», мы также рассчитали так называемые «кластеры динамики», призванные оценить степень схожести не текущего состояния экономики

стран СНГ, а их эволюции. Результаты являются неожиданными: наиболее схожей с Россией с точки зрения эволюции институтов страной оказался Кыргызстан. Для объяснения таких выводов количественного анализа, вне всякого сомнения, необходимы дальнейшие детальные исследования.

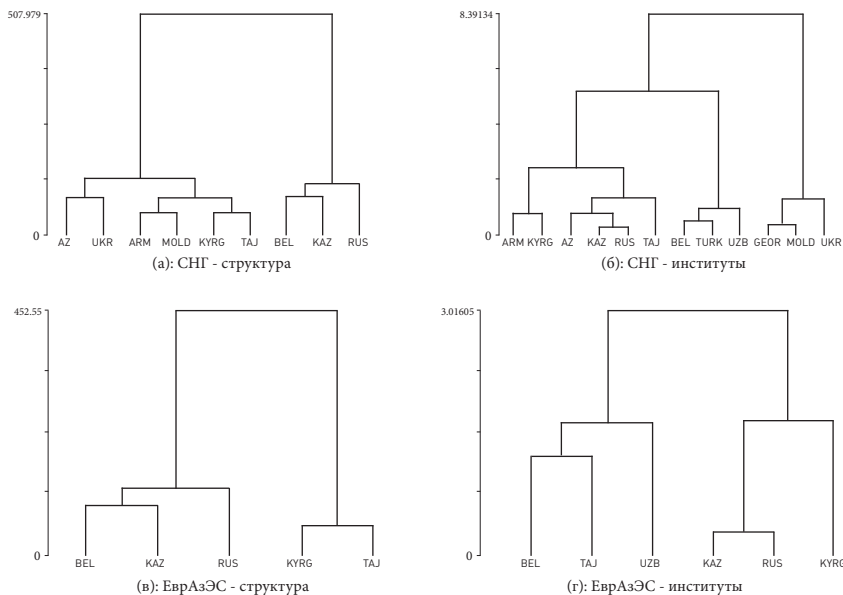

Рисунок 4:

Кластерный анализ постсоветского пространства

Источник:

расчеты автора на основе данных Межгосударственного статистического комитета СНГ, ЕБРР, Freedom House, Heritage Foundation и Всемирного банка

Примечание:

используемые обозначения: AZ – Азербайджан, ARM – Армения, BEL – Беларусь, GEOR – Грузия, KAZ – Казахстан, KYRG – Кыргызстан, RUS – Россия, UKR – Украина, UZB – Узбекистан, MOL – Молдова, TAJ – Таджикистан, TURK – Туркменистан. По оси ординат приводится мера различия между отдельными странами анализируемой группы.

Выводы

В настоящей работе предпринята попытка провести количественный анализ стран постсоветского пространства с точки зрения «устойчивого размера» региональной интеграции. Контрафактический анализ с точки зрения концепции интеграции как регионального союза для ЕврАзЭС показывает, что размер группировки близок к устойчивому, но несколько выше этого уровня (с точки зрения качества управления) и ниже его (с точки зрения экономического развития). Тем не менее ЕврАзЭС-6 ближе к устойчивому размеру (с точки зрения качества управления), чем все остальные проекты интеграции на постсоветском пространстве. Мы также выявили пары стран, способные сформировать устойчивые соглашения с точки зрения концепции интеграции как сети. Если исходить из отмечавшегося выше предположения, что наиболее стабильными, как правило, являются интеграционные группировки, включающие в себя сравнительно однородные с точки зрения институциональной структуры страны, то в этом отношении наиболее «удачным» мог бы оказаться интеграционный проект, основанный на взаимодействии России и Казахстана.

Здесь, однако, необходимо сделать несколько замечаний. Прежде всего, наш анализ характеризуется рядом технических ограничений. В регрессионном анализе мы рассматривали лишь один показатель, не учитывая все множество прочих факторов, влияющих на стабильность и размер ин-

теграционных группировок (то есть, по существу нарушили базовый принцип эконометрики – анализ «при прочих равных»). Небольшой объем выборки не позволяет провести более точное исследование. К тому же, не очевиден характер причинно-следственной связи: интеграция сама может являться фактором, содействующим изменению ВВП или качества управления («проблема эндогенности»). Использовать методы решения «проблемы эндогенности», известные в теории, мы не можем, опять же из-за небольшой выборки. Не следует забывать, что само существование региональных интеграционных проектов, находящее отражение в СМИ и общественной дискуссии, оказывает воздействие на развитие региональной идентичности, являющейся важнейшим аспектом регионализации экономического пространства и устойчивости интеграции. В связи с этим, на наш взгляд, даже «неблагоприятные» выводы анализа не являются основанием для утверждения о бесперспективности тех или иных союзов или сетей. Наоборот, «пережив» фазу неустойчивости (например, за счет политической воли), структура может оказать такое воздействие на входящие в нее страны, что автоматически приведет к возникновению устойчивой конфигурации экономики. Другое дело, что пережить эту фазу крайне сложно.

Более существенными являются содержательные ограничения анализа. Во-первых, наш вывод вовсе не означает, что тот или иной проект является наиболее *вероятным*: можно лишь утверждать, что *в случае* его реализации он, по всей видимости, может оказаться более устойчивым. Это касается, прежде всего, результатов анализа сетей. В нашем анализе мы игнорировали, например, фактор очевидной значимости, связанный с географическим расположением стран. Впрочем, нам не кажется, что наши выводы являются совершенно нереалистичными; например, сотрудничество России и Казахстана уже сегодня является важнейшим фактором развития интеграционных инициатив. Точно также полностью игнорировались политико-экономические вопросы. Между тем, как показывают результаты существующих исследований, вне зависимости от близости институтов и предпочтений межгосударственные конфликты способны оказать серьезное воздействие на уровень и масштабы региональной интеграции²³.

Во-вторых, необходимо подчеркнуть, что во многих случаях устойчивость не тождественна эффективности. Нередко длительное существование интеграционной группировки не связано с прогрессом на пути интеграции. Например, в рамках регрессионного анализа нами не рассматривался уровень интеграции в отдельных сообществах; между тем, он сильно дифференцируется. Даже показатель внутрорегиональной торговли варьируется от менее чем 10% до более чем 70%²⁴. На наш взгляд, описанные нами факторы в равной степени действуют на различные с точки зрения прогресса и целей интеграции проекты; тем более что в современном мире нового

²³ Vicard V. *Trade, Conflicts, and Political Integration: Explaining the Heterogeneity of Regional Trade Agreements*. Mimeo, 2007

²⁴ См.: ECB Monthly Bulletin, October 2004, p. 69; Sa S., Strauss-Kahn M.-O., Bonzom Ph. *Interaction between Regional Economic Integration and Institutional Integration: the European Experience*. Banque de France Bulletin Digest No. 145, January 2006, p.10

регионализма четкую грань между «уровнями интеграции» по Б. Балассе (зона свободной торговли, таможенный союз, общий рынок, экономический союз) провести крайне сложно: пожалуй, кроме ЕС ни одна интеграционная группировка в своем развитии не укладывается в эту схему. Далее, нельзя забывать, что устойчивость проекта и даже прогресс интеграции не тождественны его благоприятному воздействию на экономические и особенно – институциональные – преобразования; наоборот, интеграционный проект может стать фактором «блокады» необходимых реформ.

Альтернативу нашему анализу составляет поиск оптимального (а не устойчивого) размера интеграции, который определяется исходя из задач экономического развития и государственной политики. Примером такого анализа можно считать «оптимальные валютные зоны», исследования которых концентрируются на соотношении возможных шоков и преимуществ единой валюты, и «оптимальные правовые зоны», в которых преимущества сравнительно более низких транзакционных издержек внешней торговли противопоставляются издержкам расширения зоны применения однородных правовых норм²⁵. Такие исследования имеются и для стран СНГ²⁶. Однако все же устойчивость международного союза вызывает интерес и с нормативной точки зрения: даже если в настоящее время интеграционная группировка не оказывает позитивного воздействия на процесс сближения национальных экономик, она все же формирует своеобразную «институциональную платформу», которая может в дальнейшем использоваться для ведения переговоров и интенсификации взаимодействия стран в изменяющихся условиях. Опыт стран Латинской Америки и арабского мира показывает, что интеграционные группировки нередко «просыпаются от спячки» и становятся действенными игроками на международной арене.

Наконец, в-третьих, в мировой практике нередки и случаи, когда эффективность и устойчивость союза «сами подрывают себя». Здесь можно говорить о двух проблемах. С одной стороны, привлекательность организации может повысить ее устойчивый размер, приведя к росту числа членов и их разнородности, но именно этот же фактор сокращает ее эффективность (управление более не способно справиться с разнородностью)! Классическим примером этой проблемы является АТЭС. Но, с другой стороны, «разноскоростная интеграция» способна, если такая возможность включена в институты интеграционной группировки, привести к серьезным осложнениям для стабильности интеграции²⁷. По большому счету, реализация разноскоростного проекта нередко означает признание отказа от реальной интеграции с «отстающими» участниками даже в долгосрочной перспективе. Иначе говоря, и чрезмерный рост, и чрезмерное ограничение числа участников, могут подорвать эффективность и устойчивость в долгосрочной перспективе, пусть они даже будут достигнуты сегодня.

²⁵ Schmidtchen D., Neunzig A. *One Market, One Law. German Working Paper on Law and Economics*, 2001, No. 9; Seliger B. *The Optimum Size of East Asian Economic Integration and the Role of Korea. // Korea and World Affairs*, 2006, No. 5

²⁶ Дробышевский С. М., Полевой Д. И. *Проблемы создания единой валютной зоны в странах СНГ. М.: ИЭПП*, 2004

²⁷ Bordignon M., Brusco S. *On Enhanced Cooperation. Mimeo*, 2005

Помимо «устойчивой» структуры соглашений «в пространстве» можно говорить и об устойчивой структуре «во времени». Речь идет о формировании бессрочных соглашений или введении в их структуру конкретных временных ограничений, предполагающих последующий пересмотр в рамках новых переговоров. Долгосрочный характер соглашений необходим для обеспечения стимулов для инвестиций; краткосрочный позволяет добиться большей гибкости в зависимости от внешних шоков. На характер соглашений влияет и структура поставляемых товаров: долгосрочные соглашения в большей степени привлекательны при высокой разнородности благ²⁸. Соответственно, устойчивая структура соглашения во времени зависит как от необходимости взаимных инвестиций для развития инфраструктуры, так и от подверженности внешним шокам. С одной стороны, в сотрудничестве стран постсоветского пространства важную роль играют долгосрочные инфраструктурные проекты (например, для транспорта, в сфере электроэнергетики или водных ресурсов), что требует долгосрочного характера соглашений для избежания возможных рисков. С другой стороны, исследования показывают, что в сценарии валютной интеграции финансовые системы отдельных стран СНГ окажутся не в состоянии «справиться» с внешними шоками²⁹. Данный вопрос предполагает дальнейшие исследования.

Тем не менее, приведенный анализ позволяет сделать определенные ориентировочные выводы, представляющие интерес для выработки политики в области региональной интеграции на постсоветском пространстве. В долгосрочной же перспективе они могут рассматриваться как начало исследований, направленных на поиск «размера» и «структуры» интеграции, обеспечивающих стабильность, эффективность и реализуемость проектов.

²⁸ Guriev S., Klimenko M. *Duration and Term Structure of Trade Agreements*. Mimeo, 2007

²⁹ Дробышевский С. М., Полевой Д. И. *Финансовые аспекты валютной интеграции на территории СНГ*. М.: ИЭПП, 2007